

Separatum
Отдельный оттиск

SLAVICA HELSINGIENSIA

11

STUDIA RUSSICA
HELSINGIENSIA ET TARTUENSIA III

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена

Helsinki 1992

Г. М. ПОНОМАРЕВА

**Воспоминания С. В. Штейна о поэтах-царскоселах
(И. Ф. Анненский, Н. С. Гумилев, А. А. Ахматова)**

Мемуары С. В. Штейна вошли в исследовательский оборот в 1980 году, когда В. Н. Орлов опубликовал в сборнике *Александр Блок в воспоминаниях современников* его статью о Блоке. Орлов, видимо, довольно плохо знал биографию Штейна, представив его читателям как античного филолога (Орлов 1980: 513). В 1983 г. в книге *Памятники культуры* в большой и исключительно ценной публикации А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика "Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях" приводились отрывки из мемуаров Штейна об Анненском (Лавров & Тименчик 1981: 63, 122). Статья Штейна о Н. Гумилеве цитировалась в работе Тименчика (Гумилев 1987: 50—78). Э. Г. Герштейн были опубликованы 10 писем молодой Анны Ахматовой к Штейну (Ахматова & Гумилев 1986: 196—207).

При написании статьи мы использовали эмигрантские газеты *Свободная Россия* (1919—1920) и *Последние известия* (1920—1927), в которых активно сотрудничал Штейн. Несколько слов о тех обстоятельствах, при которых он попал в Эстонию. При Юдениче Штейн стал городским головой Павловска, где постоянно жил, и при отступлении северо-западной армии должен был поспешно эмигрировать (Штейн 1921а: 4, Штейн 1925: 2). В Эстонии Штейн оказался лишенным привычного литературного окружения. Большая семейная библиотека и архив остались в Павловске. Таковы условия, при которых создавались мемуары.

В Эстонии Штейн прожил с 1919 по 1928 год. Он преподавал в Тартуском университете. В основном он читал лекции по славянской литературе и в меньшей мере по истории русской литературы. Необходимо отметить, что в Тарту о Штейне сложилось не очень благоприятное впечатление. Связано это, в первую очередь, с провалом его докторской диссертации по А. Пушкину, когда ему было предъявлено обвинение в плагиате, а также с рядом мелких неблагоприятных поступков, нашедших отражение в его личном деле.

Видимо, с негативным отношением к Штейну-человеку связано и недоверие, возникшее среди определенной части тартуских филологов, к его воспоминаниям. Так, писатель и литературовед В. Адамс, лично знавший Штейна в 20-е годы, назвал его мемуары о Блоке "хлестаков-

ствующими" (Адамс 1964: 17). Нам такая оценка представляется излишне субъективной.

Р. Д. Тименчик характеризует Штейна как человека "достаточно равнодушного к символистской культуре" (Тименчик 1987: 50). Не был он близок и к акменстической школе. Его мемуары — воспоминания человека со стороны, хотя и не свободные от политических пристрастий, фактических неточностей и излишнего подчеркивания "близкого родства" с знаменитыми людьми.

Важное место среди воспоминаний Штейна отводится писателям-царскоселам. Видимо, Штейн очень скучал по Царскому Селу и Павловску, где остался его дом, друзья, сын, библиотека. В Тарту он искал что-то созвучное царскосельской жизни. В статье "Юрьевские впечатления" (русские эмигранты называли Тарту по-прежнему Юрьевым) Штейн писал: "Этот университетский городок очень напоминает дворцовые города: Царское Село, Петергоф, Гатчину и Павловск. Как и они, Юрьев тонет в зелени <...> Другая черта сходства, сближающая Юрьев с дворцовыми городами, — преобладающий тип архитектуры большинства его зданий как казенных, так и частных. Это, главным образом, — строгий и стильный александровский 'Empire'." (Штейн 1922б: 3.)

Литературные воспоминания Штейна-царскосела связаны прежде всего с образом И. Ф. Анненского. Младшая сестра Штейна, Наталья Владимировна, как известно, с 1905 г. была женой Валентина Кривича, единственного сына Анненского. Поскольку воспоминания Штейна об Анненском цитировались лишь в вышеуказанной публикации Лаврова и Тименчика, а о Штейне как пропагандисте Анненского писал Р. Тименчик (1985: 103—104), то остановимся лишь на неизученных сторонах проблемы.

Литературные контакты И. Ф. Анненского и С. В. Штейна были наиболее интенсивными в первой половине 1906 года, когда Штейн, заведовавший литературным отделом в газете *Слово*, привлек Анненского к сотрудничеству. В литературных приложениях этой газеты (позже названных *Понедельники*) были напечатаны не только многие стихотворения Анненского, но и материалы, связанные с его творчеством. Например, рецензия А. Блока на *Тихие песни* (*Слово*, 6 марта 1906 г.), сказка А. Кондратьева *Фамирид*, посвященная И. Ф. Анненскому (*Слово*, 15 мая 1906 г.). Среди списка книг, присланных в газету на рецензию, мы находим первую *Книгу отражений* (*Слово*, 6 марта 1906 г.). Кстати, отметим, что заглавия статей самого Штейна *Литературные отражения в Понедельниках* газеты *Слово* перекликаются с *Книгой отражений*.

В воспоминаниях об Анненском Штейн писал: "Семь последних лет его жизни я пользовался его дружественной близостью" (Штейн 1923а). Поскольку Анненский умер в конце 1909 года, то Штейн был связан с

Анненским с 1902 по 1909 год, т.е. в период написания *Книг отражений*. Установлено, что на концепцию *Книг отражений* оказали влияние работы А. А. Потебни. Штейн же был родственником ученого. В своей автобиографии он указывает: "Детство провел и первоначальное образование получил в Харькове, в доме своего дяди филолога-профессора Ал. Аф. Потебни" (ERKA, F. № 2: s. 1137: 8). Естественно, что Анненский, испытывавший большой интерес к харьковской психологической школе, мог вести с Штейном какие-то беседы о личности ученого и его неопубликованных работах.¹ Самого же Штейна занимал вопрос о психологии творчества в свете теории харьковской школы. В мае 1920 г. в Ревеле, на собрании Литературного кружка, прозвучал доклад Б. Д. Дюшена о футуристической поэзии В. Маяковского. При обсуждении доклада С. В. Штейн выдвинул "значение теории Потебни и Овсяннико-Куликовского как объективного принципа, на котором может быть построено правильное понимание нового и чреватого творческими возможностями течения".²

Газетные материалы позволяют предположить, что наше представление о С. Штейне как о поклоннике Анненского и пропагандисте его творчества было неполным. Отношение Штейна к Анненскому было неоднозначным. В сентябре 1923 г. он пишет статью "Дорогой гость. (К пребыванию проф. Ф. Ф. Зелинского в Эстонии)". Зелинский, преподававший в петербургском университете около 40 лет, был университетским учителем Штейна. В начале 1920-х гг. он жил и работал в Польше. Штейн пишет о Зелинском как лучшем переводчике античных авторов. "Ни в прошлом, ни в настоящем у него нет соперников среди переводчиков античных писателей. Безмерно трудна эта задача: вспомним Фета, побежденного ношей, им поднятой и оказавшейся для него непосильной. Вспомним Иннокентия Анненского, не устоявшего от искушения сообщить слишком много своего, субъективного переведенному им Еврипиду. Ф. Ф. Зелинский вышел из указанной борьбы победителем. Его переводы Овидия и всего Софокла по справедливости считаются классическими: мы видим в них непревзойденный пример одновременного овладения духом как древних языков, так и языка русского." (Штейн 1923б.) Казалось бы, нет ничего необычного в том, что Штейн оценивает переводы Зелинского выше, чем Анненского, хотя в 1904 г. он же писал в рецензии на брошю-

¹О неопубликованных заметках Потебни о Тютчеве Штейн упоминает в рецензии. См.: Штейн 1912: 847—849.

²П-нь, "Общее собрание Литературного кружка." *Свобода России*, 1920, 11 мая, № 104.

ру Анненского *Античная трагедия*: "Анненский — автор превосходных и справедливо пользующихся широкою известностью переводов из эллинских драматических писателей" (Штейн 1904: 335). А девятью годами позже Штейн столь же высоко оценивал Анненского как переводчика Еврипида: "У Анненского — огромная заслуга перед русским обществом, которому он дал стихотворный перевод всех произведений столь любимого им Еврипида" (Штейн 1913). После 1916 г. отношение к проф. Зелинскому людей, близких к Анненскому, было сложным. При жизни Анненского был выпущен лишь первый том *Театра Еврипида*. Девятнадцать переведенных драм Еврипида остались в рукописи. В дальнейшем эти трагедии были изданы под редакцией и с комментариями Ф. Зелинского, вносящего многочисленные исправления в перевод Анненского. По подсчетам современного исследователя, они "достигали в первом томе Еврипида примерно 18%, во втором — свыше 26%" (Ярхо 1990: 541). Это вызвало нарекания в кругу родных Анненского. В редакцию газеты *Новое время* в январе 1917 г. поступили письма родственницы Анненского О. П. Хмара-Барщевской и его сына В. И. Анненского о недопустимости подобного редактирования. Проф. Зелинский в ответ на статью В. В. Розанова "Переводчик и редактор (к изданию переводов И. Ф. Анненского)", в которой было полностью приведено письмо Хмара-Барщевской, прислал Розанову обстоятельное письмо, в котором объяснял свои принципы перевода. При издании второго тома *Театра Еврипида* Зелинский (по совету Розанова) опубликовал эту полемику в начале книги, приводя доводы и в свою пользу (Зелинский 1917: VII—XXIII). На первый взгляд Штейн, знавший историю этого скандала, должен был отдать предпочтение переводам Анненского, а не Зелинского, но, по-видимому, его отношение к Анненскому не было только восторженно-апологетическим.

Отношения Н. С. Гумилева и С. В. Штейна частично освещены уже в работе Р. Д. Тименчика, поэтому остановимся на ранее не поднимавшихся вопросах. Известно, что Штейн был для Гумилева одним из первых знакомых, связанных с литературой. При той травле, которой подвергался Гумилев со стороны царскоселов, резким диссонансом выглядела положительная рецензия тоже царскосела Штейна на первую книжку *Путь конквистадоров*. Хотя сборник был оценен как ученический, Штейн отмечал, что у Гумилева "есть задатки серьезного поэтического дарования" (Штейн 1906). Тогда как, например, в отзыве на сборник писателей-царскоселов *Северная речь*, указывалось, что "у г. Гумилева особого дарования незаметно" (Евгеньев 1906: 4). Всего несколько месяцев продолжалось сотрудничество Гумилева в *Понедельниках* газеты *Слово*, где он напечатал несколько стихотворений: "Крест", "Лето", "Я откинул докучную маску". Совместная работа была недолгой, поскольку в июле 1906 г. по

требованию цензуры издание газеты прекратилось. Видимо, этот факт отразился в письме Гумилева В. И. Анненскому-Кривичу от 2 октября 1906 г.: "Слово' — тю-тю. Даже гонорара не платят."

В литературном отделе газеты *Слово* печатались многие видные писатели-символисты: А. Блок, Ф. Сологуб, В. Брюсов. Летом 1906 года Штейн познакомил Брюсова, приехавшего из Москвы по редакционным делам, с Гумилевым. Мысли о Гумилеве как ученике В. Брюсова в сознании Штейна тесно связаны с позицией Брюсова, связавшего свою судьбу с большевиками. Название статьи Штейна о Гумилеве "Погиб поэт" — начало хрестоматийного стихотворения М. Ю. Лермонтова "Смерть поэта". В дальнейшем реминисценции из лермонтовского стихотворения становятся ключом, дешифрующим статью. У Штейна: "Гумилев был поэтом, отмеченным печатью дара Божьего, — палачи отняли у него жизнь" (Штейн 1921б). Ср. у Лермонтова: "Вы, жадною толпой стоящие у трона, Свободы, Гения и Славы палачи!" Этот идущий от Лермонтова образ, совмещенный в представлении Штейна с опричниками времен Ивана Грозного, возможно, не без воздействия "Песни про купца Калашникова", превратился в образ палачей из ЧК, прямым пособником которых стал Брюсов. Видимо, для Штейна часть вины за гибель поэта лежала на его недостойном учителе, прикнувшем к палачам. "Циничное хамелеонство было всегда отличительною чертою Валерия Брюсова: добиваясь, он умел угодливо гнуть свою послушную спину, а добившись — перестал узнавать виновников своего благополучия. Великая в этом отношении разница между ним и его прямыми и благородным учеником — поэтом Гумилевым. Оттого-то последний и погиб от рук заплочных дел мастеров из чрезвычайки, а Брюсов процветает, благоденствует и славит своих господ." (Штейн 1922а.)

Тема "Ахматова и Штейн" относится к числу малоисследованных. Хотя Э. Герштейн были опубликованы письма Ахматовой к Штейну, но истории их взаимоотношений она почти не касается, лишь дает краткую справку о Штейне, упомянув, что он был мужем старшей сестры Ахматовой. Между тем, как указывает авторитетный исследователь Р. Д. Тименчик, "на становление литературных интересов Ахматовой некоторое влияние оказал муж ее старшей сестры С. В. фон Штейн" (Тименчик 1989: 4). Штейн, по-видимому, часто общался с Анной Горенко с 1904 г., когда он женился на Инне Андреевне, по август 1905 г., т.е. до отъезда семьи Горенко на юг. В недавно вышедшей книге В. Лукницкой (1990) *Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких*, приведены записи П. Лукницкого, со слов А. Ахматовой, о том, что она бывала на вечерах, устраиваемых молодыми Штейнами. "В 1904—1905 годы собирались по четвергам у Инны Андреевны и Сергея Влади-

мировича, называлось это 'журфиксы'. На самом деле это были очень скромные студенческие вечеринки. Читали стихи, пили чай с пряниками, болтали." (Лукницкая 1990: 34.) Видимо, на этих "журфиках" велись и какие-то литературные разговоры.

С именем Штейна связан небольшой, но значимый для поэтической биографии Ахматовой эпизод, о котором поэтесса говорит как об "одном из самых ранних ее литературных впечатлений" (Лукницкий 1990: 162). Ахматова рассказывала Лукницкому: "В 1902 или 1903 году Анненский читал в университете доклад о К. Бальмонте. Доклад этот был крайне неудачен. Старые университетские профессора тогда еще не приняли модерниста Бальмонта. Анненский был разруган ими до последнего предела. Тем более что доклад Анненского мог быть уязвим по своим формальным качествам. А. А. помнит, как к ним, в Царском Селе, пришел с этого доклада крайне возбужденный С. В. Штейн и рассказал о неудаче Анненского." (Лукницкий 1990: 162.) В сборнике *Об Анне Ахматовой* этот эпизод никак не комментируется. Речь идет о докладе о Бальмонте, который Анненский читал 15 ноября 1904 г. в Неофилологическом обществе при петербургском университете (Анненский много лет был членом этого общества). Обстановка, в которой проходил доклад, подробно изложена Анненским в письме к академику Веселовскому, а также освещена во вступительной статье А. В. Лаврова к этой публикации (Лавров 1978: 176—180).

Видимо, этот эпизод предопределил отношение зрелой Ахматовой к Анненскому как к поэту, которого недооценивали и незаслуженно оскорбляли своим невниманием современники. Тема новой поэзии и современного поэтического языка, бывшая темой доклада Анненского, была близка юной Ахматовой. В. С. Срезневская, подруга ее гимназических лет, называет имя Бальмонта среди тех поэтов-модернистов, которые ими "прилежно изучались" (Срезневская 1989). Р. Д. Тименчик усматривает в ранних стихах Ахматовой возможность влияния Бальмонта (Тименчик 1980: 143).

В 1920-е гг., т.е. в тот период, когда Штейн жил в Эстонии, нам неизвестны какие-то его воспоминания об Ахматовой. Сохранился лишь один косвенный источник, на который мне любезно указал таллинский литературовед Р. Круус, — магистерская диссертация С. Роос "Творчество Анны Ахматовой 1927 г." (Kruus 1989). В первой части работы, биографической, студентка указывает, что сведения по биографии Ахматовой получены от приват-доцента С. В. Штейна (Roos 1927: 13). Как видно из личного дела Роос (РАКА, Ф. № 2100, № 1, с. 875), ее юность прошла в провинции, в Харькове, и, конечно, она не знала литературного быта Петрограда. В деле Роос сохранилась рецензия на диссертацию (на немецком

языке), подписанная А. Стендер-Петерсоном и С. Штейном. Работа в целом оценивается как удовлетворительная, но выделяется биографическая часть как лучшая (там же). Видимо, Штейн считал, что Роос не исказила биографию Ахматовой. В биографической части диссертации для нас интересны сообщения об отношениях Ахматовой и Анненского, носящие концептуальный характер и восходящие явно к представлениям Штейна. В статье о Гумилеве мемуарист (Штейн) писал: "Характерная черта, сближающая и Анну Ахматову, и Гумилева, — литературное развитие их совершалось с исключительной быстротой. Отчасти я склонен приписывать это явление благотворному влиянию И. Ф. Анненского: он был директором гимназии, в которой учился Гумилев, и впоследствии дом его в Царском Селе стал стягивающим к себе все талантливое, литературным центром." (Штейн 1921б.) Из диссертации получается, что Ахматова, отсутствовавшая в Царском с 1905 по 1910 год, получила там литературное крещение (Roos 1927: 7). А в доме Анненских, "в этой литературной обстановке" завязались отношения Ахматовой и Гумилева, окончившиеся браком в Киеве. Возникает распространенное мифологическое представление об Анненском и Ахматовой. Современные исследователи справедливо замечают: "Как ни соблазнительно, в согласии с существующим мифом, видеть Ахматову, несомненную литературную ученицу Анненского, в обществе своего учителя, тем не менее, по признанию самой Ахматовой, они только виделись на улице" (Лавров & Тименчик 1981: 63).

Стержень, объединяющий царскосельские воспоминания Штейна в одно целое, — тема учителя и его учеников. Нелепая и трагическая смерть Анненского: "Он умер от разрыва сердца на шумной улице, и тело его остывало на грязных досках в покойницкой больнице..." (Штейн 1913). Чудовищное убийство Гумилева: "Выведен в расход' его ученик Н. С. Гумилев, оставивший об учителе грустные и многозначительные слова:

Был Иннокентий Анненский — последний
Из царскосельских лебедей..." (Штейн 1923а).

В воспоминаниях Штейна нет того косного Царского Села, о котором так часто вспоминала Анна Ахматова, где не понимали Анненского, травили Гумилева. Это традиционный "город муз", овеянный элегическими воспоминаниями.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамс 1964: Адамс, В. Т., "Восприятие А. Блока в Эстонии." *Блоковский сборник*, I. Тарту 1964.
- Ахматова & Гумилев 1986: "Стихи и письма. Анна Ахматова. Николай Гумилев." (Публ., состав. и примеч. Э. Г. Герштейн.) *Новый мир*, 1986, № 9.
- Гумилев 1987: "Неизвестные письма Н. С. Гумилева." (Публ. Р. Д. Тименчика.) *Известия АН СССР, серия ЛЯ*, т. 46. 1987, № 1.
- Евгеньев 1906: М. [Евгеньев-Максимов, В. Е.], "Писатели-царскоселы". [Рец. на сб. *Северная Речь*. СПб. 1906.] *Царскосельская жизнь*, 1906, 18 августа.
- ERKA: Eesti Riiklik Keskariiv.
- Зелинский 1917: Зелинский, Ф., "Предисловие редактора." *Театр Еврипида*, т. II. Москва 1917.
- Kruus 1989: Kruus, R., "Ahmatova — magistritöö." *Edasi*, 1989, 24 juuni, № 145.
- Лавров 1978: Лавров, А. В., "И. Ф. Анненский в переписке с Александром Веселовским." *Русская литература*, 1978, № 1.
- Лавров & Тименчик 1981: Лавров, А. В., Тименчик, Р. Д., "Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях." *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981*. Ленинград 1983.
- Лукницкая 1990: Лукницкая, В., *Н. Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких*. Ленинград 1990.
- Лукницкий 1990: Лукницкий, П. Н., "Из дневников." *Об Анне Ахматовой*. Ленинград 1990.
- Орлов 1980: Орлов, Вл., "Примечания. Сергей Штейн. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке." *Александр Блок в воспоминаниях современников*, т. I. Москва 1980.
- РАКА: Riiklik Ajaloo Keskariiv.
- Roos 1927: Roos, E., *Творчество Анны Ахматовой*. Рукопись. Тарту 1927.
- Срезневская 1989: Срезневская, В. С., "Воспоминания." *Искусство Ленинграда*, 1989, № 2.
- Тименчик 1980: Тименчик, Р. Д., "Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой." *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979*. Ленинград 1980.
- Тименчик 1985: Тименчик, Р. Д., "Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х гг." *Блоковский сборник*, VI. Тарту 1985. (Ученые записки Тартуского государственного университета, 680.)
- Тименчик 1989: Тименчик, Р. Д., "Анна Ахматова: 1922—1966." *Анна Ахматова. После всего*. Москва 1989.

- Штейн 1904: Штейн, С. фон., "И. Анненский. Античная трагедия. СПб., 1903." *Исторический вестник*, 1904, № 1.
- Штейн 1906: С. Ш-нъ Штейн, "Н. Гумилев. Путь конквистадоров. СПб., 1905." *Слово*, 1906, 21 января, № 360.
- Штейн 1912: Штейн, С. фон., "Ф. И. Тютчев. Полн. собр. соч. СПб., 1911." *Исторический вестник*, 1912, № 11.
- Штейн 1913: Сергеев, С. [фон Штейн], "Возродитель античных мифов." *Варшавский дневник*, 1913, 20 июля, № 199.
- Штейн 1921а: Станицкий [Штейн], "Заметки о Майкове (К столетию со дня рождения — 1821 — 5 июня — 1921)." *Последние известия*, 1921, 6 июня, № 134.
- Штейн 1921б: Станицкий [Штейн], "Погиб поэт... К убийству Николая Степановича Гумилева." *Последние известия*, 1921, 16 сентября, № 225.
- Штейн 1922а: Станицкий [Штейн], "Невозвратимые утраты." *Последние известия*, 1922, 16 февраля, № 39.
- Штейн 1922б: Станицкий [Штейн], "Юрьевские впечатления." *Последние известия*, 1922, 22 февраля, № 44.
- Штейн 1923а: Штейн, С., "Поэзия мучительной совести." *Последние известия*, 1923, 10 мая, № 113.
- Штейн 1923б: Штейн, С., "Дорогой гость (К пребыванию проф. Ф. Ф. Зелинского в Эстонии)." *Последние известия*, 1923, 27 сентября, № 237.
- Штейн 1925: Штейн, С. В., "Литературные встречи (Страницы воспоминаний)." *Последние известия*, 1925, 24 января, № 19.
- Ярхо 1990: Ярхо, В. Н., "Ф. Ф. Зелинский — переводчик Софокла." *Софокл. Драмы*. В переводе Ф. Ф. Зелинского. Москва 1990.